

БОЛЬШИЕ
NF
КНИГИ

Сенека
Эпиктет
Марк Аврелий

О СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ

Санкт-Петербург

УДК 821.14'02
ББК 84(0)3
С 31

Перевод с древнегреческого

С. Роговина

Перевод с латинского

В. Алексеева, М. Браша, В. Дурова, Б. Ерогина, Н. Керасиди,
С. Ошерова, М. Позднева, В. Стейна, В. Стовика, В. Черткова,
С. Янушевского

Серийное оформление В. Пожидаева

Оформление обложки В. Пожидаева-мл.

@ С. Ошеров (наследники), перевод, 2022
© М. Позднев, перевод, комментарии, 2018
© Н. Керасиди, перевод, комментарии, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-20894-0

СЕНЕКА

УТЕШЕНИЕ К МАРЦИИ

1

Если бы я не знал, Марция, что ты далека от слабостей человеческого чувства так же, как и от других, свойственных женщинам недостатков, и что в тебе возродился образец старого времени, я бы не решился бороться с твоим горем, которому и мужчинам простибельно потворствовать. Я никогда не стал бы надеяться, что ты простишь судьбе: ведь время для этого крайне неблагоприятно, судья враждебен и обвинение тяжело. Надежду дала мне твоя уже испытанная душевная сила и укрепленное тяжелым испытанием душевное величие.

Всем известно, как ты держала себя по отношению к отцу, которого ты любила не меньше, чем своих детей, исключая разве того, что ты не желала, чтобы он их пережил. Впрочем, я не уверен, что ты этого не желала. Ибо великая дочерняя любовь позволяет себе кое-что против обычаев. Ты сделала все возможное, чтобы помешать смерти Авла Кремуция Корда, твоего отца. Когда тебе стало ясно, что ему в лапах приспешников Сеяна не осталось иного пути, чтобы избежать рабства, ты, хотя, по правде сказать, и не сочувствовала этому плану, покорно протянула ему руку, проливая слезы. Но ты сумела скрыть свои вздохи, хотя и не с веселым видом, — и это в наш век, когда великим почтением к родителям признается отсутствие непочтительности. Но как только изменившиеся времена дали тебе единственную возможность, ты вернула для мира дух твоего отца, — дух, над которым, собственно говоря, и был произнесен смертный приговор, и спасла его от истинной смерти: ты вызвала к жизни книги, кровью сердца написанные этим мужественным человеком, — исторический памятник государству. В этом заключается твоя великая заслуга перед римской ученой словесностью: ведь часть их уже была сожжена. Велика твоя заслуга и перед потомством, до которого дойдет искреннее и верное изображение истории; велика заслуга и перед ним самим, ибо память о нем живет и будет жить, пока будут интересоваться римской историей,

пока будут возвращаться к делам своих предков, пока будут стремиться знать, что такое римлянин, что такое независимый человек, оставшийся свободным в мысли, желании и действии, в то время как другие гнули спину и унижались под игом Сеяна. Поистине, государство потерпело бы великую потерю, если бы ты не возродила того, который погиб за два столь прекрасные качества — красноречие и свободолюбие. Теперь его будут читать, и всегда с уважением: воспринятому в руки и в сердца людей, ему нечего опасаться состариться. Что же касается тех палачей, то скоро перестанут говорить и об их злодействах — единственном, что они оставили в памяти.

Это величие твоего духа заставляет меня забывать о слабости твоего пола, а также о выражении твоего лица, на котором сохранилась не прекращавшаяся печаль столь многих лет. Ты должна понять, что я не хочу ни поддаться под тебя, ни обмануть твое душевное настроение. Я возбудил в твоей памяти былое несчастье. Желает ли ты знать, как перенести и этот удар? Я показал тебе рубец прошлой, столь же страшной раны. Пусть другие действуют ласково и мягко, но я желаю начать борьбу с твоей печалью, стремлюсь остановить слезы, которые проливают — если хочешь правду — уже больше по привычке, чем от тоски, твои измученные глаза. И сделать это я хочу так, чтобы ты полюбила свои лекарства. Если же этого не случится, пусть они подействуют против твоей воли. Крепко держи в своих объятиях скорбь, которая заместила тебе сына. Но когда же будет ей конец? Ибо все было напрасно: смолкли уговоры твоих друзей и советы великих и близких тебе людей; научные занятия, унаследованное от отца сокровище, проходят мимо глухих ушей, напрасно стараясь внести утешение, хотя бы на короткое, посвященное этим занятиям время. Даже естественное исцеляющее воздействие времени, помогавшее при наиболее тяжких утратах, и то потеряло на тебе свою силу. Прошел уже третий год, и ничто не изгладилось от первого удара: он все возобновляется и ежедневно усиливает печаль, он давностью завоевал себе права и зашел так далеко, что считает позорным тебя оставить. Все ошибки внедряются глубоко, если их не устранить с самого начала, так же и эта печаль, это несчастье, эта ярость против самой себя питается, в конце концов, своей собственной горечью, и для несчастной души боль становится извращенной радостью. Поэтому я хотел бы уже в первое время содействовать твоему исцелению; более легкими средствами мог бы я побороть силу, захвачен-

ную при ее зарождении, с большими усилиями приходится бороться против состарившегося зла. И излечение ран гораздо легче, когда они залиты свежей кровью; они позволяют прижечь себя, дают глубоко проникнуть зонду и допускают пальцы исследующего; гораздо труднее вылечить их, если они запущены и обратились в злокачественный нарыв. Теперь я не могу с уступчивостью и снисходительностью обращаться с таким неподатливым горем: его нужно сломить.

2

Я знаю, что обыкновенно, желая кого-нибудь уговорить, начинают поучениями и кончают примерами. Но иногда бывает полезно изменить это обыкновение, ибо с одними нужно обращаться иначе, чем с другими. Некоторые охотно подчиняются руководству доводам рассудка, а иным, тем, кого впечатляют славные деяния, надо напоминать имена знаменитых людей и приводить авторитетные примеры того, как свободный дух не предается отчаянию. Я хочу указать на два великих примера, принадлежащих твоему полу и твоему времени, один — женщины, которая поддалась горю, другой — женщины, которая, будучи постигнута таким же несчастьем и понеся еще бóльшую потерю, не дала горю долго властвовать над собой и вернула чувства в их спокойное состояние. Октавия и Ливия, сестра и супруга Августа, обе потеряли своих сыновей в юношеском возрасте, имея надежду видеть их властителями. Октавия потеряла Марцелла, на плечи которого уже опирались и дядя, и тесть, которому уже передавались тяжести правления; юношу огненного духа и сильного таланта, но вместе с тем обладавшего удивительными для его возраста и положения сдержанностью и самообладанием, чуждого сладострастия и готового перенести все, что дядя на него захочет возложить или, если можно так выразиться, на нем построить. Он хорошо выбрал основание, не поддававшееся никакой тяжести. Всю свою жизнь она не прекращала слез и вздохов и не хотела слушать исцеляющих слов. Она не давала отвлечь себя от этого; думая только об одном предмете и сковав им свою душу, она всю жизнь оставалась такой же, какой была при погребении, она не хотела даже пробовать подняться, отказываясь к тому же и от всякой поддержки, презирала возможность утешиться и в отказе от слез видела новую потерю. Она не желала иметь изображение любимого сына и слышать упоминания о нем.

Она возненавидела всех матерей, в особенности Ливию, потому что, казалось, к сыну последней перешло обещанное ей счастье. Погруженная во мрак и одиночество, она не хотела даже взглянуть на своего брата, отвергла сочиненные к празднику в память Марцелла стихи и другие выражения сочувствия и замкнула свои уши для утешения. Уклоняясь от обычных выражений сочувствия и даже ненавидя величие и блеск своего брата, она пряталась и скрывалась. Она не снимала траурного платья даже тогда, когда ее окружали дети и внуки, обижаясь на своих, так как их цветущая жизнь напоминала ей ее потери.

3

Ливия потеряла своего сына Друза, который стал бы великим государем и уже был великим полководцем. Он проник глубоко в Германию, и римляне водрузили свои знамена там, где едва ли вообще было известно, что существуют римляне. Он, как воин, умер во время похода, причем во время болезни даже враги оказывали ему уважение и проявляли миролюбие, не смея желать того, что им, в сущности, было выгодно. Его смерть за государство сопровождалась величайшим сожалением граждан провинций и всей Италии. Так как на погребение устремились все муниципии и колонии, его тело было привезено в город триумфальным шествием. Матери не пришлось принять последнего поцелуя сына и дорогих слов из уст умирающего. На долгом пути провожала она бранные останки своего сына. Все время возбуждаемая горящей кострами Италией, она как бы неоднократно его теряла. Несмотря на это, опустив сына в могилу, она погребла вместе с ним и свою скорбь и не печалилась более, чем это полагается при смерти члена императорского дома или вообще подобает при всякой смерти. Далее, она не переставала окружать почетом имя Друза, всюду и открыто о нем напоминающая, очень охотно разговаривая о нем, — ибо едва ли человек сумеет сохранять и возобновлять память о том, о ком он все время будет печалиться.

Выбери же, какой из двух примеров ты считаешь наиболее достойным хвалы; если ты хочешь следовать первому, вычеркни себя из числа живых; ты будешь чувствовать отвращение как по отношению к твоим, так и по отношению к чужим детям и, тоскуя о погибшем, будешь являться печальным предзнаменованием в глазах других матерей; ты будешь отталкивать достойных друзей как не-

приличных в твоём положении; тебя будет удерживать ненавистная тебе жизнь, тебя, проклинаящую свой возраст за то, что он не ускорит твоего конца. Что хуже всего и меньше всего соответствует твоей душе, известной совсем другими, лучшими качествами, — ты покажешь, что ты не хочешь жить и не можешь умереть. Если же ты будешь держаться последнего, более мягкого и умеренного примера, явленного поистине великой женщиной, грусть твоя оставит тебя и тревоги не будут больше изнурять. Ибо как глупо, видит бог, наказывать себя за свое несчастье и не уменьшать, но увеличивать свои страдания! Ты и здесь, верю, сохранишь благоразумие и достоинство, которые проявляла всю свою жизнь; и в скорби можно явить скромность. Находя радость в постоянных воспоминаниях и разговорах о нем, ты и самому этому достойнейшему юноше доставишь лучшую долю, когда он встретит свою мать веселой и радостной, как это было в жизни.

4

Я не хочу требовать от тебя выполнения более суровых предписаний — чтобы ты переносила человеческое горе с нечеловеческой силой, чтобы и в день погребения глаза матери были сухи. Я предоставляю решение самой тебе: оставь между нами вопрос о том, насколько велика и непрерывна боль. Я уверен, что ты предпочтешь пример Юлии Августы, которую почитала как близкую подругу. Последняя в первые минуты волнения, когда скорбь была наиболее сильной и невыносимой, согласилась выслушать философа своего мужа — Арея и признавала, что он помог ей больше, чем римский народ, печаль которого не хотела смолкнуть; больше, чем Август, который едва выдерживал тяжесть, лишенный этой первой опоры, и едва не был сломлен печалью родственников; больше, чем ее сын Тиберий, сыновняя любовь которого во время этих горьких и оплаканных народами похорон заставляла ее чувствовать, что все, чего ей недостает от сыновей, — это их числа. Вот каким представляется мне начало той речи, которую он сказал этой женщине, заботливейшей охранительнице доброго о себе мнения: «До сегодняшнего дня ты, Юлия, — насколько это могу знать я, всегдашний спутник твоего мужа, ибо мне известно не только то, что происходит публично, но и затаенные движения ваших сердец, — всегда заботилась о том, чтобы в тебе не было ничего такого, что может запятнать твою репутацию. Ты старалась не только в важных

вещах, но и в самых ничтожных не делать того, в чем бы тебе пришлось оправдываться перед молвой, этим многоречивым судьей великих мира. Я полагаю, нет ничего прекраснее того факта, что поставленные на высоту жизни должны прощать многое и не просить снисхождения ни в чем. Поэтому ты и тут должна сохранить свой обычай и не позволять себе ничего такого, относительно чего ты впоследствии пожелала бы, чтобы этого не случилось или чтобы случилось иначе.

5

Далее я тебя прошу и заклинаю не быть резкой и недоступной с друзьями. Ибо ты можешь себе представить, что все они не знают, как держать себя, — говорить ли в твоём присутствии о Друзе или нет. Поскольку забвение этого прекрасного юноши явилось бы обидой для него, а упоминание — огорчением для тебя. Когда мы собираемся вместе, мы прославляем его слова и деяния с изумлением, которое он заслужил; в твоём же присутствии соблюдаем относительно него глубокое молчание. Таким образом ты лишаешься величайшего удовольствия — восхвалений твоему сыну, которые ты, без сомнения, хотела бы продлить на все времена, даже если бы тебе это стоило жизни. Поэтому допускай, даже вызывай разговоры о нём, не закрывай своих ушей для имени и памяти твоего сына и не считай это слишком тяжёлым, следуя обычаям тех, которые в подобных случаях мирятся, как с частью горя, с необходимостью выслушивать утешения. Теперь твоё внимание все обращено в одну сторону, и, забывая лучшее время, ты смотришь только туда, где хуже. Ты не думаешь о твоём общении и радостных встречах с твоим сыном, о его детском и нежном лепете, о его успехах в науках. Ты представляешь себе только настоящее положение вещей; на него нагромождаешь все, что можешь, как будто оно и так недостаточно ужасно. Не желай, молю, этой извращенной славы — слыть за несчастнейшую из смертных. И вместе с тем помни, что нет ничего великого в том, чтобы оставаться сильной при благоприятных обстоятельствах, когда жизнь протекает счастливо. Так, морское дело не представляет ничего трудного при спокойном море и благоприятном ветре; должно произойти что-нибудь неблагоприятное, для того чтобы проявилось мужество. Поэтому не позволяй себе падать. Нет, стой твердо, и, какая бы тяжесть ни упала на тебя

сверху, носи ее, испугавшись разве только первого шума. Ничем иным нельзя так показать судьбе свое презрение, как равнодушием к ней». После этих слов он указывает ей на живого сына и оставшихся от погибшего внуков.

6

О тебе, Марция, велась тогда речь, и с тобою рядом сидел Арей; смени маску — и он будет утешать тебя. Не думай, что ты потеряла больше, чем любая другая мать: я тебя не ласкаю, не уменьшаю твоей беды. Если судьбу можно побороть слезами, дай нам к тебе присоединиться, пусть целый день проходит в стенаниях, пусть его дополняет бессонная ночь, пусть руки бьют исцарапанную грудь, пусть удары терпит даже и лик, пусть печаль выразится во всевозможных жестокостях, если она этим хоть чего-то достигнет. Но поскольку стонами и битьем себя в грудь нельзя вернуть усопших и никакие сетования и несчастный вид не могут изменить недвижной, навек твердо стоящей судьбы, поскольку смерть цепко держит то, что она захватила, — прекрати бесполезную скорбь. Мы должны совладать с собой, и никакая сила не должна тянуть нас за собой как попало. Позор кормчему, позволяющему волнам вырвать руль, оставляющему колеблющийся парус и отдающему судно в руки ветра и непогоды; достоин похвалы тот, кого во время кораблекрушения море погребает держащимся за руль и борющимся против волн.

7

«Но тоска по близким есть нечто вполне естественное». Кто станет отрицать это, пока она находится в границах? Ибо даже отсутствие, а не только потеря дорогих людей причиняет нам боль и сжимает самые мужественные сердца. Но воображение вносит в горе больше того, что вызывает природа. Посмотри, как сильна тоска о погибших у неразумных животных и как она коротка. Мы слышим лишь день-два мычание коровы, и не дольше продолжается беспокойный и бесцельный топот кобылицы. Дикий зверь, поискав следы детеныша, проблуждав по лесу, вернувшись много раз к разоренному логовищу, все же в короткое время усмиряет свое неистовство. Птицы с отчаянным криком окружают опустевшие гнезда; но, успокоившись в одно мгновение, они возобновляют свои

обычные полеты. Ни у одного из живых существ тоска о потерянных детенышах не сохраняется так долго, как у человека, привязывающегося к своему страданию и охваченного им все это время не постольку, поскольку чувствует, но — поскольку решил чувствовать. Чтобы убедиться, что вовсе не естественно предаваться печали, обрати внимание, что та же самая потеря тяжелее задевает женщин, чем мужчин, варваров — нежели людей спокойной и образованной нации, ученых — нежели неучей. Но то, что получает свою силу от природы, сохраняет ее единой для всех случаев. Значит, испытываемое различно не соответствует природе. Огонь одинаково сожжет людей всякого возраста, граждан всех городов, как мужчин, так и женщин. Железо на каждом теле сохранит свою способность резать. Почему? Потому что ему его силы даны от природы, которая не обращает внимания на лица. Бедность, скорбь, презрение испытывается одними людьми так, а другими иначе, смотря по их привычкам; и преждевременная боязнь вещей, которых нечего бояться, делает человека слабым и неспособным их переносить.

8

Природное не слабеет от длительности. Скорбь же с ходом дней постепенно исчезает. Как бы она ни была упорна, как бы ни возобновлялась и ни противилась исцелению, все же она уничтожается временем, этим верным средством победить неистовое упрямство. Правда, Марция, у тебя и теперь еще держится сильная скорбь, отвердевшая быть может, не такая возбужденная, как у той, кого я называл выше, но все же упорная и своенравная. Однако и ее понемногу уничтожит время. Твое чувство будет отдыхать, как только ты займешься чем-нибудь другим; теперь ты думаешь только о себе; но есть уже большая разница в том, позволяешь ли ты себе печалиться или приказываешь. Насколько к красоте твоего характера больше подходит самой положить своему горю конец, чем его дожидаться и уповать на день, когда боль прекратится против твоей воли. Откажи ей сама.

9

«Откуда же упорство в нашей скорби о себе, если не от веления природы?» Причина в том, что мы не представляем себе несчастья раньше, чем оно явится; чужие несчастья не напоминают нам о том,

что они общи для всех, как будто мы идем по своему пути вернее и спокойнее, чем другие. Столько похоронных процессий проходят мимо нашего дома, а мы не думаем о смерти; случается столько несчастий со смертельным исходом, а мы думаем о тоге для наших детей, об их военной службе, о наследовании ими отцовского имущества; нам бросается в глаза так много внезапных разорений, но никогда не приходится в голову, что и наше состояние стоит на столь же шаткой почве. Чем неожиданнее полученный удар, тем сильнее будет падение. Предвиденные задолго несчастья поражают слабее. Хочешь ли убедиться, что ты предоставлена всем ударам судьбы и что ты всегда была окружена стрелами, которые попадали в других? Можно предположить, что ты приближаешься к стене или занятому врагами и трудно достижимому месту: жди раны и представляй себе, что все стрелы и дротики, а также летящие сверху камни направлены против твоего тела. Когда они упадут рядом с тобой или за твоей спиной, воскликни: «Ты меня не обманешь, судьба, и не захватишь меня беззаботной и невнимательной; я знаю, что ты злоумышляешь; ты попала в другого, но метила в меня». Кто, глядя на свое состояние, думал, что оно должно пропасть? Кто из вас отваживался помышлять об изгнании, бедности, смертях? Кто, если попросить его вспомнить хорошенько, не отклонял от себя страшного предзнаменования и не призывал его перейти на голову своих врагов и надоедливому заимодавца? «Я не думал, что случится». Но разве можно думать, что не произойдет то, что — как ты знаешь — вполне может произойти и что — как ты видишь — со многими действительно случилось? Прекрасен и достоин большего, чем быть произнесенным с подмостков, стих:

Что с кем-то может стать, то может стать с любым.

Тот потерял детей — и ты можешь их потерять. Тот был приговорен — и твоя невиновность под угрозой. Нас смущает и расслабляет этот ужас, когда приходится претерпеть то, о чем мы никогда не предполагали, что можем это претерпеть. Тот, кто увидел зло в будущем, лишает его силы в настоящем.

10

Все эти привходящие вещи, Марция, все то, что блестит вокруг нас, дети, почетное положение, богатство, обширные обеденные залы, передние, кишачие толпою не допущенных к обеду клиентов, высокородная красавица-жена и все остальное, зависящее от пере-

менчивого и неверного счастья, все это — чужой, одолженный нам блеск. Ничто не дается нам в дар. Жизненная сцена украшается лишь взятой на время и возвращаемой собственникам бутафорией. Одно будет унесено в первый, другое во второй день, лишь немногое останется до конца. Поэтому у нас нет никакого основания чваниться, как будто мы сидим посреди своего имущества. Мы имеем право пользования, можем получать дивиденды. Долго ли — это определяет тот, кто властен над своими милостями; мы обязаны держать наготове то, что получили взаймы до неизвестного срока, и, как только потребуют, вернуть без жалобы. Только наихудший должник говорит грубости своему заимодавцу. Поэтому мы всех своих близких — как тех, относительно которых на основании закона рождения желаем, чтобы они нас пережили, так и тех, которые с полным правом желают уйти раньше нас, — должны любить, понимая, что нам не обещано ни постоянного, ни даже длительного общения с ними. Мы должны постоянно напоминать нашему сердцу, что оно любит такие вещи, которые от него уйдут, которые уже уходят. Всем, что дало тебе счастье, обладай как вещью, не имеющей законного собственника. Наслаждайтесь обладанием детьми, отдавайте себя для их наслаждения, испейте, не откладывая, всякую радость. Вы не можете поручиться и за сегодняшнюю ночь; я получил уже долгую отсрочку — на этот час уже не хватит? Надо торопиться; уже смерть стоит за спиной, сейчас эта свита может рассеяться, сейчас же по раздавшемуся зову порвется союз этого товарищества. Все добыто путем грабежа, а вы, несчастные, не умеете жить в бегах?

Если тебе тяжело, что твой сын умер, то это расплата за то время, когда он родился; ибо смерть была возведена ему уже при рождении. Под этим условием он был тебе дан; эта судьба следовала за ним наряду с материнской любовью. Мы появились на свет под властью жестоким и непреодолимой судьбы, чтобы по ее капризу претерпеть заслуженное и незаслуженное. С нашими телами она будет играть позорным, необузданным и жестоким образом; одних она будет прижигать огнем либо для наказания, либо для лечения, других закует в цепи, поручив это или врагу, или согражданину; третьих будет бросать нагими по неверным морям, и после того, как они изнемогут в борьбе с волнами, она не выбросит их на мель или на берег, а спрячет в брюхе какого-нибудь морского колосса. Других она заставит долго витать между жизнью и смертью, измучив их разнообразными болезнями. Как переменчивая и своенравная владычица, не радеющая о своих рабах, будет она раздавать наугад награды и наказания.

Стоит ли оплакивать отдельные случаи? Вся жизнь плачевна. Новые превратности измучают тебя раньше, чем успеешь справиться со старыми. Поэтому особенно вам, подобным той, которая не знает меры в скорби, следует усмирить свое сердце и научиться экономить силы для многих предстоящих утрат. Как можно так забывать те условия, в каких находимся мы сами и все вокруг? Ты родилась смертной и смертных произвела на свет. Хрупкое и дряблелое тело, постоянно поражаемое недугами, неужели ты надеялось, что выносило нечто крепкое и вечное в столь жалкой оболочке? Твой сын умер, то есть скоро подлетел к тому рубежу, к которому стремится всё, что, по твоему мнению, счастливее выношенного тобой плода. Туда же движется, лишь с неравной скоростью, вся та масса, которая судится на форуме, аплодирует в театрах и молится в храмах. И то, что ты любишь, и то, что ты презираешь, станет одинаковым, обратится в прах. На это указывает надпись пифийского оракула: «Познай себя». Что такое человек? Шатаемый и разбивающийся от каждого толчка и колебания сосуд. Тебе не нужно сильной бури, чтобы разлететься на части. Где таран ударит в твою стену, там тебя и сокрушит. Что такое человек? Слабое, хрупкое тело, голое, по природе своей незащитное, нуждающееся в чужой помощи. Он уязвим для любой насмешки фортуны. Он станет пищей и жертвой всякого животного, как бы хорошо ни развил свои мускулы. Сделанный из слабой и рыхлой материи, хотя и недурной по внешним очертаниям, но неспособной переносить влияния жары и холода, он начинает разрушаться от спокойного лежания и ничегонеделания. Он вынужден бояться своих собственных питательных средств, ибо может погибнуть как от их недостатка, так и от избытка. Это существо пребывает в постоянной тревоге и заботе о своей безопасности. Дыхание еле держится в этом теле и то и дело пресекается, ибо его способен перехватить даже внезапный испуг или неожиданно услышанный резкий оглушающий звук. И мы дивимся смерти одного, тогда как все должны умереть? Разве есть что-нибудь необыкновенное в том, что он распался? Для него смертельны и запах, и вкус, и утомление, и бессонница, и питье, и еда, и еще масса всего, без чего он не может прожить. Где бы он ни находился, всюду будет сознавать свою слабость, ибо он не способен переносить любой климат; он заболевает от новой воды, от ветра, к которому не привык, и от всяких других ничтожных причин и толчков; он гнил, хрупок, плач при рождении — знамение всей

его жизни. Но какой же шум вызывает это презренное существо? До каких мыслей доходит он, забывая свою природу? Он думает о бессмертном, о вечном, распоряжается за внуков и правнуков, а смерть захватывает его, набрасывающего столь далекие планы; и то, что мы называем старостью, есть лишь круговорот немногих лет.

12

Взгляни на свое горе, о Марция! Основано ли оно на твоём несчастье или на несчастье умершего — если оно вообще имеет какое-нибудь основание? Вызвано ли оно тем, что ты не имела радости от своего сына, или тем, что ты надеялась иметь больше, если бы он дольше жил? Если ты не имела наслаждения, тебе легче перенести потерю, ибо люди меньше стремятся к тому, что не дает им ни радости, ни отрады. Если же ты утверждаешь, что получила от него большую радость, то ты не должна жаловаться на то, что это было от тебя отнято, а благодарить за то, что ты получила, ибо прекрасные плоды твоих трудов принесло само воспитание. Иначе выходило бы, что лишь ухаживающие за щенками, птицами и занятые другими подобными пустыми забавами получают наслаждение от прикосновения, взгляда и милых ласк бессознательных животных, а для других, воспитывающих детей, самое воспитание не является достаточной наградой. Если бы он даже ничего не доставлял тебе своею деятельностью, не проявлял заботы, не давал умных советов, все-таки в том, что он у тебя был, что ты его любила, уже заключается наслаждение. «Но он мог бы оставаться дольше, стать старше». И все же это лучше, чем если бы его не было совсем, ибо, если надо выбрать, быть ли счастливым короткое время или совсем не быть, все же лучше иметь кратковременное счастье, чем никакого. Неужели ты хотела иметь развратного сына, который бы только считался одним из твоих детей и носил семейное имя, или такого по своим способностям, каким был твой? Юношу, рано начавшего понимать и любить, рано ставшего мужем, отцом, рано взявшего на себя заботы о различных общественных делах, рано бывшего жрецом — все словно бы стремясь успеть. Никто не пользуется великим и в то же время продолжительным благом; только неспешное счастье длится и остается до конца. Хотя боги и не захотели дать тебе сына надолго, зато дали тебе такого, которому не требовалось долгой жизни, чтобы проявить себя.

Ты не можешь даже сказать, что боги определили тебе не иметь возможности насладиться своим сыном. Брось взгляд на многочисленный круг знакомых и незнакомых: всюду ты встретишь людей, которые претерпели худшее. Это же испытали военачальники и государи; даже и богов не пощадили наказания, и, я думаю, именно для того, чтобы при наших потерях мы имели утешение в том, что и божественное разрушается. Посмотри на всех; ты увидишь, что нельзя найти такого несчастного дома, который не имел бы утешения, видя другой дом еще более несчастным. Но я не так дурно думаю о твоём характере, чтобы предполагать, что ты будешь легче переносить свое несчастье, если я напому тебе об огромном числе печалющихся. Большое число несчастных есть нечто вроде злорадного утешения. Лишь некоторых я все-таки хочу привести, и не для того, чтобы ты видела, что это случается с людьми — ибо смешно приводить примеры смертности, — но дабы ты убедилась, как много было людей, которые покорной выносливостью смягчали суровую судьбу.

Я хочу начать с самого счастливого. Луций Сулла потерял своего сына; и это несчастье не повредило ни его коварной силе, ни жестокой отваге применительно к врагам и гражданам; даже то прозвище, которое он получил после потери сына, не показалось приобретенным безосновательно. Причем он не боялся ни ненависти своих сограждан, на бедах которых он построил свое слишком большое счастье, ни зависти богов, которым столь великое счастье Суллы служило укором. Впрочем, вопрос о том, каков был характер Суллы, принадлежит к числу пока не разрешенных; но даже его враги признавали, что он ловко брался за оружие и ловко умел его положить. Из сказанного можно вывести по крайней мере одно: что не может быть величайшим злом происходящее даже с наиболее успешными людьми.

13

Пусть Греция не особенно удивляется тому отцу, который, узнав во время жертвоприношения о смерти своего сына, лишь приказал флейтисту замолчать и снял с головы венки, остальное же совершил в соответствии с обычаем. Ибо так действовал и понтифик Пульвилл, узнавший о смерти сына в ту минуту, когда он стоял, касаясь дверей, на пороге храма и освящал Капитолий. Он притворился, будто ничего не слышал, и произносил торжественные слова свя-

щенной формулы, не прерывая молитвы ни единым вздохом, а, произнося имя своего сына, попросил милости у Юпитера. Надо думать, что должна была иметь конец скорбь, которая даже в первый день, в минуту первого удара, не смела отвлечь отца от общественного алтаря и горячей молитвы о победе. Поистине, этот человек был достоин памятного посвящения храма, достоин почетнейшей жреческой должности, ибо он не перестал почитать разгневанных богов. Лишь вернувшись домой, позволил он слезам затуманить свои глаза и произнес несколько скорбных слов, а когда было совершено все, что полагается мертвым, он снова принял вид, какой имел в Капитолии.

В дни знаменитого триумфа Павел, влекший за своей колесницей скованного Персея, сдал двух своих сыновей в приемыши и похоронил других двух, которых оставил при себе. Можешь себе представить, каковы были оставленные, если между отданными был Сципион? Не без грусти смотрел народ на пустую колесницу Павла, он же держал к народу речь и благодарил богов, что достиг исполнения своего желания. Ибо он просил их, что если величайшая победа требует уступки зависти, то пусть это произойдет за его, а не за государственный счет. Видишь, с каким величием переносил он свою участь. Он благодарил за лишение детей. И кого такой удар должен был поразить сильнее? Ведь он потерял одновременно и утешение, и опору. Но все же Персею не пришлось увидеть Павла печальным.

14

К чему приводить тебе бесчисленные примеры великих людей и искать несчастных, тогда как гораздо труднее найти счастливых? Ибо какие дома до конца твердо стояли во всех своих частях, без того чтобы произошло какое-либо разрушение? Возьми какой угодно год и представь себе начальствовавших в тот год лиц, например Луция Бибула и Гая Цезаря, и ты увидишь, что обоих враждебных друг другу товарищей по должности постигла схожая судьба. Двое сыновей Л. Бибула, человека скорее доброго, чем храброго, были одновременно убиты, причем египетские воины еще и поглумились над ними. Как потеря сыновей, так и ее причина были достаточным поводом для слез. Но Бибул, некогда вследствие недоброжелательства своего товарища проведший весь год своего служения

дома, отправился выполнять свои служебные обязанности на следующий день после того, как ему было объявлено об этом двойном несчастье. Кто мог бы посвятить двум сыновьям меньше одного дня? Так быстро окончил скорбь о детях тот, кто целый год оплакивал свое консульство. Гай Цезарь услышал о смерти своей дочери, повлекшей перемену в судьбах государства, в то время, когда проходил через Британию, не желая позволить даже океану ограничить свой успех. Он живо представлял себе уже тогда, что Гней Помпей не будет равнодушно смотреть на величие в государстве другого и захочет положить конец росту его влияния, казавшегося невыносимым, хотя бы и было оно обращено на общую пользу. Но уже через три дня он снова принялся за дела военачальника и так быстро победил скорбь, как побеждал все остальное.

15

Есть ли смысл рассказывать тебе о похоронах в семьях других Цезарей? Думаю, судьба их часто ранит для того, чтобы они и этим принесли пользу человеческому роду, показав, что даже те, о ком говорят, что они произошли от богов и собираются произвести на свет богов, имеют над своей судьбой не больше власти, чем все остальные. Божественный Август после потери сыновей и внуков, после того, как вымерла многочисленная императорская семья, посредством усыновления дал новую опору опустевшему дому. Он сумел так мужественно перенести горе, словно бы уже тогда имел личный интерес в делах божественных и предметом личной заботы — не давать повода для жалоб на богов. Цезарь Тиберий потерял обоих сыновей, как своего, так и приемного. Он сам произносил на ростральной трибуне похвалу своему сыну, имея перед глазами выставленное тело покойного, и только наброшенное покрывало прятало труп от глаз жреца. Он не изменился в лице, когда народ проливал слезы; он показал стоявшему рядом с ним Сеяну, как твердо он переносит потерю своих. Согласна ли ты, что низвергающий всех и вся случай не сделал исключения для множества великих людей, хотя им и было дано столько душевных благ, столько блеска как в их частной, так и общественной жизни? Да, страшно кружится этот вихрь, и уничтожает все без разбора, и уносит с собой, как свою собственность. Вели каждому поделиться своим опытом и поймешь: никому не дано родиться безнаказанно.

Предвижу твое возражение: «Ты забыл, что утешаешь женщину: ты приводишь в пример мужчин». Но разве кто-нибудь утверждает, что природа поступила немилостиво с чувствами женщин и ограничила их добродетели? Они также способны к нравственной высоте, если только этого захотят; также могут переносить боль и напряжение, если к ним привыкнут. Но в каком городе, боги милостивые, говорю я это? В том, где Брут и Лукреция освободили римлян от царского ига. Бруту мы обязаны свободой, Лукреции — Брутом. В том, где Клелия, презревшая и врага, и водную стремнину, своей исключительной храбростью достигла того, что единственное, чем мы не можем ее считать, — это мужчиной. В оживленном месте на священной улице стоит конная статуя Клелии и упрекает восседающих на носилках молодых людей за то, что они так ездят в городе, где даже женщинам мы даровали всадническое достоинство. Если хочешь, чтобы я привел тебе примеры женщин, твердо переносивших потери близких, то мне не придется искать их в разных домах: из одной семьи могу назвать двух Корнелий. Во-первых, дочь Сципиона, мать Гракхов. Двенадцать похорон напомнили ей о двенадцати рожденных ею детях. Потеря, как и приобретение, прочих, может, и прошла незамеченной для страны. Но мать видела убитыми и непогребенными Тиберия и Гая, которых даже тот, кто не считает их хорошими людьми, все же должен признать великими. Но, несмотря на это, она отвечала тем, которые утешали ее и называли несчастной: «Я никогда не назову себя несчастной, потому что я родила Гракхов». Корнелия, жена Ливия Друза, потеряла своего прославленного сына, юношу выдающихся дарований, пошедшего по следам Гракхов: после подачи многих законопроектов, не успев превратить их в законы, он был убит в собственном доме, причем убийца не был найден. Однако она перенесла не только горькую, но и неотмщенную смерть сына с тем же мужеством, с каким он вносил свои законопроекты. Теперь ты, Марция, должна примириться с судьбой, которая не удержала стрел, направленных против тебя, так же как и тех, которые летели в Сципионов, матерей и дочерей Сципионов, равно как и тех, которые были направлены против Цезарей.

Проникнута страданиями и пересыпана роковыми случайностями человеческая жизнь. Редко кто живет с ними в мире, разве только в перемирии. Ты дала жизнь четверым, Марция. Никакая

стрела не попадет мимо, если направлена против плотного строя. Удивительно ли, что при таком числе не обошлось без бедствий и потерь? «Но судьба, — говоришь ты, — особенно несправедлива в том, что не просто отняла сыновей, а нарочно выбрала их, чтобы отнять». Но ведь нельзя жаловаться на несправедливость, уступив более могущественному половину. Она оставила тебе двух дочерей и внуков от них и даже не вполне взяла от тебя того, которого ты особенно оплакиваешь, забывая об умершем ранее: ты имеешь от него двух дочерей, которые являются большой обузой, если не захочешь покорно переносить горе, и большим утешением, если смиришься. Судьба хочет, чтобы ты, видя их, вспоминала о своем сыне, а не о своем горе. Когда у крестьянина погибают вырванные с корнем бурей или согнутые и поломанные порывом ветра деревья, он ухаживает за оставшимися побегами, сеет семена и высаживает рассаду на месте погибшего. И в одно мгновение — ибо время одинаково быстро как для уничтожения, так и для роста — вырастают новые деревья пышнее погибших. Поставь на место твоего Метилия его дочерей и заполни ими пустоту. Облегчи одну боль двойным утешением. По правде говоря, природа смертных такова, что им ничто так не нравится, как погибшее; тоска по отнятому делает нас несправедливыми к оставшемуся. Если ты обдумаешь, как судьба берегла тебя, даже когда свирепствовала, ты поймешь, что имеешь больше, чем нужно для утешения: посмотри на многочисленных внуков и на обеих дочерей. Скажи себе еще следующее, Марция: «Я злилась бы, если бы судьба каждого человека соответствовала его нравам и никогда бы несчастья не преследовали добрых. Теперь же я замечаю, что и добрые, и дурные поражаются без всякой разницы».

17

«Но все-таки тяжело потерять юношу, которого воспитали и который уже стал опорой и украшением отцу и матери». Кто же отрицает, что это тяжело? Однако такова человеческая судьба. Ты родилась для того, чтобы надеяться, бояться, волновать себя и других, одновременно бояться и желать смерти и, что всего хуже, никогда не знать, каково в самом деле твое состояние. Это все равно что сказать кому-нибудь, отправляющемуся в Сиракузы: «Изучи сперва все трудности и удовольствия предпринимаемого путешествия и только тогда садись на корабль. Ты там увидишь следую-

щее. Во-первых, перед тобой предстанет сам остров, оторванный узким проливом от Италии, с которой он, как известно, прежде был соединен. Но однажды ворвалось море и „сицилийский отрезало берег от гесперийского“. Далее ты будешь смотреть на баснословную Харибду (ибо тебе позволено будет пройти близ этого самого алчного из водоворотов моря), лежащую спокойно при отсутствии южного ветра и проглатывающую корабли в свою огромную бездонную пасть, лишь только с юга поднимается сильное дуновение. Ты увидишь, как прославляемая в стихах Аретуза — источник зеркально-чистого и до дна прозрачного озера — изливает свою холодную воду: быть может, она нашла ее тут; быть может, вынесла на поверхность земли беспрепятственно текущую под многими морями реку. Ты увидишь гавань, самую спокойную из всех, которые создала природа для защиты кораблей, и из тех, которые были сделаны человеческими руками, — такую надежную, что даже ярость величайших бурь не находит в ней отражения. Ты увидишь место, где было сломлено могущество Афин, где естественная тюрьма из глубоко выдолбленных скал заключила в себя тысячи пленных. Наконец, ты увидишь и сам город, и его обширнейшие земли, способные вместить территорию многих городов, с очень теплой зимой, которая не имеет ни одного дня, лишённого солнечного света. Но к тому времени, когда ты все это найдешь, тяжелое и нездоровое лето уничтожит все благодеяния зимнего климата. Там покажется тебе тиран Дионисий, этот губитель свободы, справедливости, законности, оставшийся властолюбивым даже после посещения Платона и жизнелюбцем даже после изгнания. Одних он будет жечь, других бичевать, третьих обезглавит за ничтожную провинность; он будет приводить мужчин и женщин для удовлетворения своего сладострастия, и вследствие дикой извращенности и царской ненасытности его не будет удовлетворять совокупление с двумя. Ты теперь знаешь, что тебя может привлечь или отпугнуть; иди же к кораблю или оставайся». Предположим, что после этого изображения путешественник заявил бы, что хочет посетить Сиракузы. Случись с ним неприятность, разве вправе был бы он жаловаться на кого-то, кроме себя? Ведь он попадет сюда не случайно, но придет по собственной воле, зная все обстоятельства?

Природа говорит нам всем: «Я никого не обманываю; если ты рождаешь сыновей, можешь получить как красивых, так и безобразных. Если у тебя их много, среди них может найтись как изменник, так и спаситель отечества. Ты можешь надеяться, что они достиг-

нут такого уважения, что никто не сможет выбранный тебя за них; но знай, что их может постигнуть и такой позор, что их имя станет для тебя поношением. Ничто не препятствует тому, что они окажут тебе последнюю честь, что твои дети скажут тебе надгробное слово; но готовься к тому, что тебе придется возложить на костер мальчика, юношу или пожилого человека. Годы в этом смысле ничего не меняют: для родителей одинакова тяжела всякая похоронная процессия. Рождая на подобных условиях детей, ты не имеешь права обвинять богов в злом умысле, ибо они не обещали тебе ничего определенного».

18

Сравни теперь этот образ со вступлением в жизнь. Ты раздумывал, хочешь ли посетить Сиракузы. Я представил тебе, что тебя там порадует и что опечалит. Теперь подумай, что я пришел дать тебе совет при твоём рождении. Ты готов вступить в город, принадлежащий богам и людям. Он заключает в себе все, связан определенными вечными законами, в нём неустанно вращаются небесные тела. Там ты увидишь мерцание бесчисленных звезд, увидишь, что одна звезда наполняет все своим светом, что ежедневно бег солнца отделяет день от ночи и каждый год еще равномернее отграничивает лето от зимы. Ты будешь смотреть на луну, сменяющую солнце ночью и заимствующую от братской встречи свой мягкий и матовый свет, то скрытую, то вполне обращенную к земле, всегда изменчивую в своих появлениях и несходную с предыдущим образом. Ты заметишь пять звезд, блуждающих по разным путям и бегущих в обратную сторону от устремляющейся к ним небесной тверди; от малейших их движений зависит судьба народов, по ним слагается великое и малое в зависимости от благоприятного или неблагоприятного хода светил. Ты будешь наблюдать нагроможденные дождевые тучи, устремляющиеся вниз потоки воды, сверкающие зигзаги молний и разверзающиеся в громовых раскатах небеса. Когда ты, насытившись созерцанием горных чудес, опустишь взгляд на землю, тебя ожидает иное и по-иному замечательное состояние вещей. Здесь растянувшаяся равнина и уходящие в бесконечность поля, там вздымающиеся к небу вершины гор с могучими, покрытыми снегом склонами; водопады и потоки, изливающиеся из одного и того же места на восток и на запад; шумящие на горных вершинах дубравы и чащи лесов с их животными и разнообразным пени-

ем птиц. Затем города, различно расположенные, и народы, стесненные природными условиями: одни живут на склонах высоких гор, других, поселившихся в долинах, устрашают бурные реки и выходящие из берегов озера. Увидишь требующие культивации поля и плодоносящие без ухода кустарники, мягкий змееподобный бег ручьев сквозь долины, приветливые бухты, берега, отступающие, чтобы образовать гавани, большое число разбросанных островов, нарушающих однообразие широкого моря. Далее — блеск камней и гемм, золото, плывущее в песке быстрых лесных ручьев, огонь небесной природы, вырывающийся из земли и даже из моря, и, наконец, сам океан, который связывает земли, разделяет своими тремя заливами народы и бурлит, поднимая гигантские валы. В этих неспокойных, без ветра вздымающихся водах ты увидишь животных, пугающих своей невероятной величиной. Многие из них тяжело-весны и нуждаются в лоцманах, направляющих их движение, другие мчатся скорее и проворнее быстро несущихся кораблей. Иные умеют втягивать в себя волны и выбрасывать их к великой опасности проходящих судов. Ты увидишь корабли, отыскивающие неизвестные им местности; увидишь, что человеческая смелость ничего не оставляет неисследованным, и будешь не только зрителем, но и сам примешь близкое участие в этих предприятиях. Ты будешь изучать разнообразные искусства; одни, сохраняющие жизнь, другие — ее украшающие, и третьи — ею управляющие. Но ты также найдешь там тысячи губящих тело и душу вещей — войну, разбой, яд, кораблекрушение, неравномерность погоды и телесных состояний, горькую потерю дорогих людей и смерть, относительно которой мы не знаем, будет ли она легкой или отягощенной наказанием и мукой. Обдумай же это и реши, чего ты хочешь. Чтобы достигнуть одного, придется пройти через другое. Ты ответишь, что хочешь жить? Почему нет? Что ж, в таком случае, думаю, ты не вступишь во владение имуществом, лишение части которого доставляет тебе боль. Итак, живи по соглашению. Ты скажешь: «Меня не спрашивали». Да, но о нас спросили наших родителей, которые, хотя и знали условия, какие ставит жизнь, все же создали нас для жизни.

Прежде чем перейти собственно к утешениям, мы должны сперва рассмотреть, что нужно лечить, и затем — каким способом. Печальющихся огорчает утрата тех, кого они любили. Очевидно, что

СОДЕРЖАНИЕ

СЕНЕКА

УТЕШЕНИЕ К МАРЦИИ <i>Перевод М. Браша и Б. Ерогина под ред. М. Позднева</i>	7
УТЕШЕНИЕ К ПОЛИБИЮ. <i>Перевод Н. Керасиди</i>	38
УТЕШЕНИЕ К МАТЕРИ ГЕЛЬВИИ. <i>Перевод М. Позднева</i>	58
О КРАТКОСТИ ЖИЗНИ. <i>Перевод В. Дурова</i>	83
О МИЛОСЕРДИИ. <i>Перевод М. Позднева</i>	107
О СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ. <i>Перевод С. Янушевского</i>	136
О ДОСУГЕ. <i>Перевод М. Позднева</i>	167
О ПРОВИДЕНИИ <i>Перевод В. Стовика, В. Стейна под ред. М. Позднева</i>	175
ПРАВСТВЕННЫЕ ПИСЬМА К ЛУЦИЛИЮ <i>Перевод С. Ошерова</i>	189

ЭПИКТЕТ

В ЧЕМ НАШЕ БЛАГО? <i>Перевод В. Черткова</i>	581
АФОРИЗМЫ. <i>Перевод В. Алексеева</i>	632

МАРК АВРЕЛИЙ

НАЕДИНЕ С СОБОЙ. РАЗМЫШЛЕНИЯ <i>Перевод С. Роговина</i>	661
Комментарии. <i>М. Позднев, В. Дуров, С. Янушевский, С. Ошеров, В. Алексеев, С. Роговин</i>	770

Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий

С 31 О счастливой жизни / Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий ; пер с др.-греч. С. Роговина ; пер с лат. В. Алексеева, М. Браша, В. Дурова и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 864 с. — (Non-Fiction. Большие книги).

ISBN 978-5-389-20894-0

Философия стоицизма, провозглашающая стойкость и мужество, бесстрашие и терпение, пренебрежение к смерти и стремление к добродетели, являлась нравственной основой античного мира. Она руководила поступками людей, провозглашала идеалы и устанавливала формы поведения среди образованной элиты в Греции и Риме вплоть до III века нашей эры. Невозможно понять Античность, не познакомившись с мировоззрением стоиков. К тому же их рассуждения, охватывающие наиболее важные проявления человеческой жизни, по-прежнему способны вдохновлять, убеждать и влиять на образ мыслей современного читателя.

В настоящее издание вошли основные работы главных представителей римского стоицизма: Луция Аннея Сенеки, Эпиктета и Марка Аврелия.

УДК 821.14'02
ББК 84(0)3

Литературно-художественное издание

СЕНЕКА
ЭПИКТЕТ
МАРК АВРЕЛИЙ
О СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валерий Камендо, Дмитрий Капитонов
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 25.03.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 54.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

Y-NFB-29889-01-R